

Глава 1

Мэгги Белл протянула руку и сняла телефонную трубку. Рука у нее была тонкая, немного костлявая, с выступающими костяшками пальцев, и двигалась она какими-то рывками. Все движения Мэгги отличались порывистостью. Ей было двадцать девять лет, однако она почти не выросла после того, что у нее в семье с некоей гордостью называли «несчастливым случаем». В двенадцатилетнем возрасте Мэгги попала под машину на деревенской улице.

Целыми днями она лежала на диванчике, придвинутом к окну в комнате над бакалейной лавкой мистера Биссета. Именно так он называл свое заведение, хотя на самом деле там продавалось множество товаров, которые едва ли можно отнести к бакалейным. Разумеется, бакалеей можно было назвать лакричные тянучки — сладость, давно исчезнувшую во многих уголках Англии и приготавливаемую миссис Биссет по семейному рецепту, но к ней никак не относились шерстяные и кожаные вещи, развешанные на крючках по обе стороны от входа в магазинчик. Лук, помидоры, яблоки, груши и орехи по сезону вполне соответствовали названию заведения, однако висевшие в ряд хлопчатобумажные предметы рабочей одежды и лежавшие горкой крепкие мужские и женские ботинки

красноречиво свидетельствовали о том, что Дипинг — это деревня, а бакалейная лавка мистера Биссета — своего рода местный универсальный магазин.

В погожие дни Мэгги глядела в окно над входом в лавку и могла лицезреть почти всех обитателей Дипинга. В большинстве своем они помахивали ей руками и здоровались с ней возгласами «Доброе утро!» или «Привет, Мэгги!». Миссис Эббот из Эбботсли никогда не забывала выказать Мэгги свое внимание. Она с улыбкой махала ей рукой, а полковник Эббот чуть поднимал голову и кивал. Но если их сопровождала мисс Сисели, то она взлетала по лестнице с книгой или журналом и немного задерживалась у обитательницы второго этажа. Мэгги очень много читала. Надо хотя бы чем-нибудь заниматься, когда целыми днями лежишь. Именно это твердила себе Мэгги, выросшая среди людей, ставивших знак равенства между чтением и праздностью.

Мисс Сисели приносила ей прекрасные книги, однако не старалась поучать ее. Мэгги тотчас замечала подобные попытки и сразу же ставила им непреодолимый заслон. Ей нравились стародавние истории восхождения к успеху: о босоногом мальчугане, торговавшем на улицах газетами и ставшем миллионером; о ничем не примечательной девчужке, на которую никто и не посмотрит, что впоследствии становилась ослепительной красавицей или герцогиней. Она обожала хорошие детективы, где под подозрение по очереди попадали все друзья и враги убитого. Мэг-

ги любила приключенческие романы, где
6 герои осторожно шагают по веревочным

мостикам или продираются сквозь болота, а на них в любую секунду готовы наброситься змеи, крокодилы, львы, тигры и гигантских размеров обезьяны.

Дом под названием Эбботсли, где проживало семейство Эббот, был в некотором роде сокровищницей. Миссис Эббот славилась своим утверждением о том, что владеет самой большой библиотекой макулатуры, в чем превзошла всех женщин Англии. «Это чтиво так успокаивает после двух партий книг о войне, не говоря уж о газетах, сделавшихся до ужаса дотошными и кишашими всякими подробностями — ну, вы понимаете, о чем я», — повторяла она.

Однако Мэгги не только читала. Устроившись на диванчике, она могла шить, но не очень долго. Ее мать была деревенской портнихой, поэтому Мэгги, разумеется, помогала ей как могла. Ей доставались пуговицы и петли, коклюшки и плетение кружев, а также разного рода отделка. Это составляло ее долю работы, которую она выполняла резкими движениями, однако весьма аккуратно. Миссис Белл была женщиной неглупой и сумела обеспечить себе множество заказов из богатых домов по всей округе. Всю войну она зарабатывала тем, что перешивала и перелицовывала целые залежи старых вещей, которые при иных обстоятельствах и не подумали бы извлечь из самых дальних уголков шкафов или сундуков. Ее с Мэгги триумфом стал день, когда миссис Эббот принесла свадебное платье престарелой леди Эвелин Эббот, чтобы узнать, можно ли его переделать для мисс Сисели. «Сегодня такой ткани и работы, конечно же, не сыскать, **7**

а Сисели просто обожает это платье. Сама я ни за что бы не захотела выйти замуж в бабушкином свадебном платье, но теперь это входит в моду, и к тому же платье, разумеется, просто замечательное», — сказала тогда миссис Эббот.

Комната наполнилась складками темно-кремового атласа. Это был длинный шлейф, украшенный вышитыми жемчугом розетками, однако само платье оказалось простым по покрою, чтобы оттенить красоту использованных в его отделке брюссельских кружев. Такой красоты Мэгги в жизни никогда не видела. От одной мысли прикоснуться к платью ее бросало в дрожь. Жаль, что мисс Сисели — ничем не примечательная, худенькая и смуглая. Да и забавно тоже. Вот полковник — симпатичный и представительный джентльмен, а миссис Эббот — не то чтобы красавица, но из тех, кого миссис Белл называла утонченными особами, умеющими щегольнуть своими нарядами. А Сисели — низкорослая и смуглая, с огромными карими глазами, в остальном — так, ничего особенного. И ей досталось дивное свадебное платье из кремового атласа. Впрочем, счастья оно мисс Сисели не принесло. Теперь вот она вернулась в Эбботсли, мистер Грант Хатауэй остался в Дипинге, и возникли слухи о разводе. Никто не знал, что уж там между ними произошло: прожили в браке три месяца, а потом раз — и разошлись! Даже Мэгги не знала, в чем там дело, а она знала почти все, потому что когда не шила и не читала, то подслушивала телефонные разговоры.

Дипинг обладал бесценным источником конфиденциальной информации —

общей телефонной линией. Ею пользовались обитатели примерно дюжины домов, где были телефоны. Любой мог слушать разговоры соседей, просто сняв трубку. Это заставило бы всех проявлять особую осторожность, однако давние приятельские отношения порождают равнодушие, если не презрение к подобным вещам. Трудно избавиться от иллюзии полной безопасности, когда говоришь по личному телефону у себя в комнате. Мэгги знала, когда лучше подслушивать, и ей удалось собрать немало интересного о множестве добропорядочных людей. Однако она так и не сумела выяснить, почему Сисели Хатауэй ушла от мужа. Ближе всего она подобралась к разгадке этой тайны однажды вечером, когда сняла трубку и услышала, как Грант Хатауэй произнес:

— Сисели...

Ответа не было так долго, что Мэгги принялась гадать, ответят ли Гранту вообще. Затем тихий голос холодно спросил:

— В чем дело?

Мэгги жадно прислушалась, вцепившись в трубку худенькими пальцами, кончик ее длинного остренького носа подрагивал от любопытства. Грант Хатауэй проговорил:

— Больше так продолжаться не может. Мне нужно тебя увидеть.

— Нет.

— Сисели!

— Мне нечего тебе сказать, а тебе нечего сказать мне.

— Вот тут ты ошибаешься. Я должен тебе очень многое высказать.

Снова повисла долгая пауза. Наконец Сисели Хатауэй ответила:

— Ничего не желаю слушать.

— Сис... Не глупи!

Сисели Хатауэй произнесла нечто очень странное:

— Глупец быстро расстаётся с деньгами. Можешь оставить их себе.

Потом раздался грохот, от которого буквально содрогнулась вся телефонная линия. Это мистер Грант с силой швырнул трубку на рычаг, поскольку, когда шум стих, Мэгги услышала, как в полутора километрах от нее, в Эбботсли, мисс Сисели судорожно выдохнула и тоже повесила трубку.

Похоже, ссора возникла из-за денег. Ну, денег у мисс Сисели много, она получила наследство от престарелой леди Эвелин после того, как та перессорилась со всей родней. А у мистера Гранта, как все знали, не было денег — только большое поместье да его сельскохозяйственные эксперименты, которые никак не окупались. Однако он был твердо уверен, что они начнут приносить доход.

Мэгги отстраненно подумала, что мисс Сисели досадила самой себе, желая насолить мистеру Гранту. Если мужчина женится на богатой невесте, то может рассчитывать что-то от этого получить, так ведь? Что бы там ни случилось, вот он — симпатичный и способный вскрыжить голову любой девушке. И вот мисс Сисели — неказистая смуглая худышка. Если она не станет

смотреть в оба, кто-нибудь быстро отобьет у нее мужа.

Мэгги поднесла трубку к уху и услышала, как женский голос с показавшимся ей забавным акцентом произнес:

— Мистер Хатауэй... Мне хотелось бы поговорить с мистером Хатауэем.

Глава 2

На следующий день, в субботу, Фрэнк Эббот был зван на чай к мисс Эльвине Грэй. Фрэнк проводил выходные у дяди и тети, к которым испытывал нежную привязанность. Полковник Эббот обладал таким поразительным сходством с его отцом, что Фрэнку порой чудилось, будто он приехал домой на каникулы, а к добродушной и зачастую непоследовательной в своих суждениях миссис Эббот он относился с должным чувством юмора. С Сисели они постоянно поддразнивали друг друга, пока она не вышла замуж и почти сразу словно оказалась по ту сторону стальной решетки. Похоже, никто не знал, почему ее брак расстроился. Моника Эббот жаловалась Фрэнку:

— Подумать только, уж матери-то она должна была рассказать все, что произошло, но я не добилась от нее ни слова, ни единого словечка. Ну, кроме того, что она больше не желает его видеть и как скоро она может получить развод. А когда мистер Уотерсон объяснил ей, что развестись она не сможет, если только не откроется измена мужа или нечто вроде того — знаешь, Фрэнк, мне показалось, будто она вот-вот хлопнется в обморок. Мистер Уотер-

сон добавил, что Грант может развестись с ней из-за пренебрежения супружескими обязанностями, но не раньше, чем через три года, однако она с ним развестись не может, если он не предоставит ей на это веской причины. На что Сисели лишь сказала: «Не предоставит», — и тотчас вышла из комнаты. Конечно, было бы прекрасно, если бы она уехала на время, пока не уляжется скандал, однако она заявляет, с чего бы ей уезжать из родного дома. И я ее понимаю. Однако, дорогой мой Фрэнк, тут все ужасно запутано, а мы это еще усугубляем — по крайней мере, так мне кажется. Грант вообще не появлялся в церкви, ну, пока не начал ухаживать за Сисели. Ты же знаешь, она играет на органе. Семейство Гейнсфорд передало этот инструмент в дар церкви в память о сыне, погибшем в 1915 году. Орган просто прекрасный, а Сисели так хорошо играет. Наверное, из-за этого Грант и посещает церковь, он появляется там каждое воскресенье, а после службы подходит к нам так, будто ничего не случилось. Вот Сисели у церкви, конечно, с нами нет, потому что она все играет и играет, а он ее не ждет. Просто подходит к нам с Реджем и заговаривает, мы отвечаем, а все на нас тарачатся — ни малейшего воспитания у людей не осталось, — после чего уходит так быстро, будто он в сапогах-скороходах. Сис в церкви играет похоронный марш или нечто подобное, потом опаздывает к обеду. А это вернейший способ разозлить миссис Мэйхью вдобавок к тому, чтобы вообще ничего не есть. Вид же у Сисели потом такой, словно ей повстречалась толпа привидений. — Миссис Эббот на мгно-

вение замолчала, чтобы перевести дух, и добавила: — Как бы мне хотелось столкнуть их лбами!

Сержант уголовного полиции Фрэнк Эббот вздернул светлые брови.

— Отчего же вы их не столкнете?

Миссис Эббот грустно усмехнулась:

— Они никогда не приближаются друг к другу. Однажды я прямо спросила Гранта, в чем же все-таки дело. Мы встретились на Мэйн-стрит, вокруг никого, и он поинтересовался: «Разве Сисели вам не рассказала?» Я ответила: «Нет, не рассказала». Тут он ответил: «Ничего не случилось, мадам», потом взял мою руку, поцеловал ее и добавил: «Тещи вне игры!» И что мне оставалось делать? Ты знаешь, он такой милый, а Сис, по-моему, просто дура — мне безразлично, что он там натворил. Я тоже повела себя нелепо, расплакалась, а он одолжил мне носовой платок — мой всегда теряется в нужный момент. Боже мой, вот зачем я об этом заговорила? Глупость какая, когда я собираюсь на чай. О, дорогой мой, спасибо!

Фрэнк глядел, как миссис Эббот промокала глаза его аккуратно сложенным носовым платком. Когда она поднесла его к носу и пару раз высморкалась, Фрэнк заверил ее, что ни нос, ни глаза у нее не покраснели. Миссис Эббот как-то вымученно улыбнулась и принялась рассказывать племяннику о мисс Эльвине:

— Она дочь здешнего приходского священника. Он дожил до девяноста семи лет. Мисс Эльвина живет в домике, где раньше обитал церковный сторож, только теперь она называет его «Домом пастора». Он находится

сразу за церковью, это очень удобно, поскольку мисс Эльвина разводит цветы. Вот только лучше бы она этим не занималась, поскольку впихивает их в землю как попало, да еще питает особую страсть к ноготкам. Я не то чтобы против них, но не в сочетании с розовым душистым горошком, а с мисс Винни никогда не знаешь, что придет ей на ум. Она просто обожает розовый цвет, что, конечно же, неплохо, однако не надо перебарщивать. Подожди, ты еще ее комнату не видел!

Только они собрались выходить, как в саду показалась Сисели в сопровождении собак — старого спаниеля бурого с белым окраса и черной таксы с ласковыми глазами и хитренькими манерами, которую вели на поводке. В тот момент такса являла собой воплощение добродетели, поскольку ей накинули поводок еще на Мэйн-стрит, и она избежала привычного нагоняя за то, что охотилась за кошкой миссис Кэддл.

— Она постоянно ее гоняет, — произнесла Сисели, снимая поводок. — А ей это не нравится — миссис Кэддл, а не кошке, — так что я постоянно сажаю таксу на поводок, пока мы не пройдем мимо большого амбара. Кошка, разумеется, в полном порядке. — Сисели скорчила гримасу, которая сделала бы ее привлекательной, если добавить улыбку. — Кошки всегда в выигрыше, а эта полосатая драчунья — прямо тигрица какая-то. Сидит себе на заборе и потешается над Брамблом, а тот свирепеет. — Сисели сверкнула глазами в сторону Фрэнка, потом снова сделалась мрачной и повернулась к матери. — Когда

я выходила, встретила миссис Кэддл — на ней лица не было.

Моника тотчас же продемонстрировала свое знание всех и вся:

— Сис, но ведь она сидит у мисс Винни до пяти часов вечера. Ты уверена, что это была именно миссис Кэддл?

Сисели издала резкий смешок. В последнее время она стала грубоватой и немного бесцеремонной.

— Конечно, уверена! Уже смеркается, но на улице не так уж и темно, чтобы кого-то не узнать, а тогда и подавно было светло. Она шла вверх по Мэйн-стрит, а я вниз. Вид у нее был такой, будто она все глаза выплакала. Похоже, из-за Альберта. Не представляю, как это его не убили или не искалечили на войне — иначе бы он не заявился сюда и не разбил сердце бедной Эллен. — Сисели снова повернулась к Фрэнку, глаза ее вдруг вспыхнули. — В доме у бабушки она была старшей горничной, такая милая и покладистая женщина средних лет. А потом по уши влюбилась в водителя семейства Харлоу, служившего в спецназе, и у нее хватило дури выйти за него замуж. А теперь одному богу ведомо, что он задумал и что вытворяет, но выглядит она страшнее смерти. Ну разве женщины не дуры, а?

Она топнула ногой и внезапно ринулась прочь. Брамбл разразился громким лаем и кинулся за ней, старый спаниель неспешно последовал его примеру. Сисели бежала, пока не ворвалась к себе в комнату, захлопнув и заперев за собой дверь. Разумеется, без толку: ей снова пришлось ее открыть, чтобы впустить избалованного Брамбла, который в противном случае сидел бы у порога и скулил, пока над ним не сжа-